

**Трансформация ценностей
иммигрантов в контексте их
культурной интеграции:
отношение к разводам и
добрачным сексуальным
отношениям**

Анна Александровна Эндрюшко
(anna.endryushko@mail.ru), Институт
социологии ФНИСЦ РАН, Россия.

**The transformation of
immigrant values in the
context of their cultural
integration: attitudes towards
divorce and premarital sexual
relations**

Anna A. Endryushko
(anna.endryushko@mail.ru), Institute of
Sociology of FCTAS RAS, Russia.

Резюме: Статья посвящена изучению отношения иммигрантов из постсоветских стран в России к ценностям индивидуального выбора (показателям сексуальной либерализации) на примере допустимости разводов и сексуальных отношений до брака, а также их сравнению с аналогичными установками россиян. Эмпирическая база исследования представлена опросом мигрантов из постсоветских стран в России (2020 г., 700 респондентов), а также данными седьмой волны Всемирного исследования ценностей (2017 г.). Для выявления факторов, влияющих на консервативность взглядов в отношении разводов и добрачных сексуальных отношений использовано регрессионное моделирование. Показано, что и для иммигрантов, и для россиян предикторами нетолерантного отношения к данным событиям являются пол (для россиян частично), возраст, уровень образования, положение на рынке труда (для иммигрантов частично), семейное положение, религия. Материальное благополучие для обеих групп не имеет связи с изучаемыми представлениями. Расширенные спецификации регрессии для иммигрантов позволяют говорить, что давность приезда положительно связана только с либеральностью взглядов на допустимость развода, но не добрачного секса. Вместе с тем желание связать свою жизнь с Россией уменьшает вероятность крайне консервативных взглядов на оба явления. Формирование российской идентичности – предиктор более либерального отношения к разводам, а сильная этническая и религиозная идентичность – фактор нетерпимости и к разводам, и к добрачным сексуальным отношениям. Делается вывод, что предикторами трансформации ценностных ориентаций иммигрантов в России выступают не длительность проживания и экономическое благополучие, но уровень образования, формирование чувства общности с принимающим обществом и желание связать дальнейшую жизнь с Россией.

Ключевые слова: иммигранты, культурная интеграция, семейные ценности, патриархальные ценности, развод, сексуальные отношения до брака, религия, ислам.

Финансирование: Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг.

Для цитирования: Эндрюшко А. А. (2022). Трансформация ценностей иммигрантов в контексте их культурной интеграции: отношение к разводам и добрачным сексуальным отношениям. Демографическое обозрение, 9(3), 58-74. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i3.16470>

Abstract: The article is devoted to the study of the attitude of immigrants from post-Soviet countries in Russia to the values of individual choice (indicators of sexual liberalization) using the example of the permissibility of divorce and sexual relations before marriage, as well as their comparison with similar attitudes of Russians. The empirical base of the study is represented by a survey of migrants from post-Soviet countries in Russia (2020, 700 respondents), as well as data from the seventh wave of the World Values Survey (2017). Regression modeling is used to identify factors that influence the conservativeness of views on divorce and premarital sexual relations. It is shown that for both immigrants and Russians, the predictors of intolerance to these events are gender (partially for Russians), age, level of education, position in the labor market (partially for immigrants), marital status, and religion. Material well-being for both groups has no connection with the ideas being studied. The expanded regression specifications for immigrants suggest that how long ago a person arrived is positively related only to the liberality of views on the permissibility of divorce, but not of premarital sex. At the same time, the desire to connect one's life with Russia reduces the likelihood of extremely conservative views on both phenomena. The formation of a Russian identity is a

predictor of a more liberal attitude towards divorce, and a strong ethnic and religious identity is a factor in intolerance towards both divorce and premarital sexual relations. It is concluded that the predictors of the transformation of the value orientations of immigrants in Russia are not the length of residence and economic well-being, but the level of education, the formation of a sense of community with the host society and the desire to link their future life with Russia.

Keywords: *immigrants, cultural integration, family values, patriarchal values, divorce, sexual relations before marriage, religion, Islam.*

Funding: *The article was prepared with the support of the Program of Fundamental and Applied scientific research «Ethnocultural diversity of Russian society and strengthening of the all-Russian identity» 2020-2022.*

For citation: *Endryushko A. (2022). The transformation of immigrant values in the context of their cultural integration: attitudes towards divorce and premarital sexual relations. Demographic Review, 9(3), 58-74. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i3.16470>*

Введение

Изменения в основных сферах жизни общества, вызванные индустриальной и научно-технической революциями, усилением глобализации и цифровизации затронули и частную сферу жизни. Несмотря на трансформацию культурных норм, традиционные (патриархальные) ценности ¹ остаются широко поддерживаемыми в значительном числе стран мира. Гетерогенность таких представлений в разных социальных контекстах показана в возрастающем числе кросс-национальных исследований, основными источниками данных для которых являются Всемирное и Европейское исследования ценностей (World Value Survey и European Value Survey), где в числе прочего затрагиваются вопросы отношения к ценностям индивидуального выбора (сексуальной либерализации). Показатели сексуальной либерализации (Inglehart, Norris 2003) или «ценности выбора» (Welzel 2013) изучаются через отношение к абортам, разводам, добрачным сексуальным отношениям, проституции и гомосексуальности.

Отношение людей в разных странах к указанным явлениям чаще всего связывают с теорией модернизации ², предполагающей, что государства могут быть упорядочены по шкале от более до менее современных, в том числе с акцентом на традиционные или современные ценности (Inglehart 1997). Инглахрт и Норрис также связывают отношение к этим проблемам с гендерным равенством (Inglehart, Norris 2003). Модернизация приводит к ослаблению социальной сплочённости, индивидуализму и фрагментации ценностей, она предполагает линейное изменение в сторону усиления цивилизации и экономического роста (Gundelach 1994). Предполагается, что семья и религия как традиционные условия социальной интеграции теряют свою актуальность, что приводит к секуляризации, снижению религиозных моральных стандартов, усилению социальных ожиданий относительно саморазвития (Ester, Halman, de Moor 1993: 1-21). На национальном уровне экономическое развитие приводит к более либеральным взглядам, а переменные индивидуального уровня обеспечивают механизм формирования или изменения отношений (Wilensky 2002). Однако гендерные ценности и модернизация имеют сложные взаимоотношения, а связь между ценностной либерализацией и модернизацией не всегда прямолинейна (Лопатина, Костенко, Понарин 2016).

В ещё более сложные взаимодействия ценности вступают с феноменом миграции, когда люди на время или навсегда перемещаются в другой социальный контекст, зачастую значительно отличающийся от того, где они жили до переезда. Миграция может служить

---

¹ Термины традиционный, консервативный, патриархальный зачастую используются в качестве синонимов в том числе в работах, посвященных гендерным отношениям. В настоящей статье под консервативными (в данном случае гендерными) ценностями мы понимаем представления о нормативном поведении, согласно которым женщинам и мужчинам приписываются жестко зафиксированные традиционные роли (например, мужчина – добытчик, женщина – домохозяйка), набор стереотипов, в котором для женщин нормально только «феминное», а для мужчин – «маскулинное», без возможности отклонения от этого порядка вещей (цит. по: (Костенко 2017: 180)). То есть термины консервативные и традиционные ценности мы используем как синонимы. Под патриархатом мы подразумеваем систему социальных структур и практик, при которой мужчины доминируют, подавляют и эксплуатируют женщин (цит. по: (Костенко 2017: 181)).

² Процесс модернизации ассоциируется с индустриализацией, заменой физического труда менее физическим, более квалифицированным. В результате этого процесса экономические выгоды от большого числа детей исчезают и женщины получают больше пользы для себя и своих семей от вхождения на рынок труда, чем от того, что остаются дома.

катализатором ценностных трансформаций (Williams, Thornton, Young-DeMarco 2014). Подобные изменения, сдвиги в ценностных и культурных установках рассматриваются в миграционных исследованиях как одни из важнейших показателей культурной интеграции в новом обществе (Penninx 2019).

Данная статья посвящена изучению мнений мигрантов из постсоветских стран в России, связанных с ценностями индивидуального выбора, а также их сравнению с аналогичными представлениями россиян.

Теоретические основания исследования: взаимосвязь миграции и (трансформации) ценностей

Взаимосвязь ценностей, культурных норм и миграции затрагивается в значительном числе исследований. При пересечении этих двух проблематик можно выделить 2 основных направления изучения: 1) как ценности (в том числе связанные с гендерными отношениями и сексуальной либерализацией) влияют на миграционный режим и принятие решений о миграции; 2) какова взаимосвязь между ценностями (их трансформацией) и интеграцией (аккультурацией) мигрантов в принимающем обществе.

Влияние ценностей на решение о миграции. При осмыслении миграционного режима и «легитимности миграции» в посылающих обществах исследователи обращаются как к структурным, экономическим факторам, так и к ценностным. Среди структурных факторов выделяются рынок труда, законодательное регулирование и социальное обеспечение в стране приема (Bettio, Simonazzi, Villa 2006; Biao 2007). При этом вопрос о том, кто отправляется в миграцию (мужчина или женщина) не всегда подчиняется экономической логике (Hofmann 2014). Поэтому исследователи говорят и о ценностно-нормативных причинах. Действующие в конкретном обществе нормы могут, например, осуждать женскую миграцию, особенно для «порядочных» женщин (Pittin 1984), не распространяя эти предписания на вдов или разведенных (Morokvasic 1984). В то же время миграция мужчин, наоборот, рассматривается как признак зрелости, перехода к взрослой жизни (Monsutti 2007), что повышает его статус в отправляющем обществе, в том числе на брачном рынке. Для других обществ могут быть характерны нормы, при которых женская миграция вполне приемлема (Oishi 2002). Негативное отношение к женской миграции связывают с патриархальностью общества, в котором права женщин могут быть ограничены. Впрочем, Н. Оиши считает, что феминизация миграции ввиду экономических причин приводит к её нормализации в глазах отправляющего сообщества (Oishi 2002).

Некоторые исследователи отмечают, что для долгосрочной эмиграции люди выбирают такие страны и общества, ценности которых для них более приемлемы (Massey et al. 2005). Такое явление называют эффектом самоотбора.

Таким образом, ценности, уровень патриархальности и консервативности отправляющего общества наряду со структурными и экономическими условиями связаны с режимом миграции, с тем, кто остается, а кто уезжает. Ценностно-нормативные факторы во многом формируют и социальные сети мигрантов (Palloni et al. 2001), что оказывает влияние на их дальнейшую интеграцию в принимающем обществе.

Взаимосвязь между ценностями и интеграцией мигрантов. Теоретические подходы разделены между теориями культурной интеграции, предполагающими,

что иммигранты постепенно усваивают ценности страны приёма, и теориями мультикультурализма, которые подразумевают, что традиции и ценности родной культуры сохраняются для этнических групп мигрантов на протяжении десятилетий (Holton 2000).

Классическая модель ассимиляции, разработанная в первой половине XX века в США (Warner, Srole 1945; Gordon 1964), представляла процесс адаптации мигрантов как линейное движение в сторону слияния с принимающим обществом. Аккультурация мигрантов представлялась как процесс модификации и замены их ценностей. Дальнейшие исследования показали неправомерность такой позиции: темп и качество изменений зависят от множества факторов, они нелинейны, а их направление определяется установками и отталкивающим, и принимающим обществом.

Это касается и ценностных установок – гипотеза о том, что миграция является фактором их трансформации не подтвердилась в ряде исследований. Движение мигрантов по континууму от традиционализма до современности не объясняется лишь фактом переезда из развивающейся страны в развитую, оно связано с типом и формами миграции (Kosack 1976), а также с социально-экономическими позициями в стране происхождения.

Теория сегментной ассимиляции также показывает, что мигранты интегрируются не только в мейнстрим, но в разные сегменты принимающего общества, а оптимистичные представления о том, что они полностью встроятся в образ жизни принимающей страны, не учитывают, что разные группы мигрантов находятся в разных социальных условиях (Foner 2000). В этой связи социальные сети мигрантов (в том числе состав рабочих коллективов) играют значимую роль, зачастую определяя и их ценностные ориентации (Menjívar 1999).

Б. Андерсон утверждает, что национальные культуры и религиозные традиции формируются на основе общей истории, языка и сохраняются на протяжении столетий (Anderson 1983). Опыт миграции в другую страну может усилить влияние культурных паттернов страны исхода, а не ослабить их (Gills 2002).

Фактор религиозности. Уровень религиозности мигрантов считают значимым фактором в трансформации их ценностей. Дискуссии о степени его влияния на интеграцию отличаются в принимающих странах с разным уровнем секуляризации.

В Европейских государствах религиозность мигрантов, в первую очередь мусульман, воспринимается как проблема. Ислам в Европе – религия меньшинства, и европейцам сложно принять, что их сограждане исповедуют другую религию, особенно публично (Kastoryano 2004). Антиисламские настроения касаются в большей мере мужчин, чем женщин (Carling 2005). В США, напротив, религиозность мигрантов показана как фактор, способствующий более успешной адаптации в силу того, что в американском обществе сложилась традиция инкорпорирования различных религий и культур. Религиозность мигрантов описывается как способ их защиты от деструктивных влияний, а теоретики сегментной ассимиляции полагают, что верующие мигранты лучше адаптируются в американском обществе (Warner 2007). В европейском контексте религиозность принимающего общества также имеет значение: иммигранты в религиозных странах (например, Польша и Ирландия) с большей долей вероятности сохраняют высокий уровень религиозности и поддержки традиционных ценностей, чем те, кто переселился в светские страны (такие, как скандинавские), при исключении влияния фактора самоотбора (Hagan, Ebaugh 2003).

Мигранты в принимающем обществе могут стать более религиозными, поскольку иммигрантские религиозные общины традиционно играли роль агентов адаптации и аккультурации (Hirschman 2004). В то же время они помогают поддерживать культуру страны происхождения – создают привычную мигрантам культурную среду, помогают поддерживать традиции страны исхода (Ebaugh 2003), а соответственно и способствуют сохранению ценностных ориентаций посылающего общества. Х. Эссер показывает, что мигранты-мусульмане (на примере выходцев из Турции) хоть и интегрируются в немецкое общество, но сохраняют национальные и религиозные традиции страны происхождения, в то время, как например, выходцы с Балкан ассимилируются и теряют связь с национальной культурой (Esser 2001). Автор связывает это с числом турецких мигрантов и возможностью создания среди них этнических сообществ, воспроизводящих ценности родной культуры.

Многие исследования показали, что этнические меньшинства (в частности, мусульмане) не только более религиозны, чем принимающее большинство, они также вкладывают больше усилий в передачу религиозных и национальных традиций следующим поколениям (Soehl 2017; de Hoon, van Tubergen 2014). Вместе с тем исследователи приходят к выводу, что религиозность и ценности страны исхода для иммигрантов в Европе со временем начинают рассматриваться как выбор, а не как данность (Voas, Fleischmann 2012). В частности, согласно теориям реактивной этничности (reaction theories), усиление религиозности и влияния культурных паттернов страны исхода может возникать в ответ на дискриминацию и исключение в принимающем обществе (Diehl, Schnell 2006; Connor 2010).

Инкорпорирование – двусторонний процесс, и изменения происходят не только в ценностях мигрантов, им подвержена и культура принимающего общества. Ещё в 1936 г. Р. Редфилд, Р. Линтон и М. Херсковиц признали, что инкорпорирование мигрантов – это результат социального взаимодействия групп, возникающий при вступлении в непосредственный контакт людей разной культуры, что приводит к изменениям в культуре всех участников процесса (Redfield, Linton, Herskovits 1936). Так, европейские исследователи отмечают переопределение границ равенства в Европе, что во многом связано с иммиграционным притоком из стран Ближнего Востока (Bertossi 2003; Al-Ali, Black, Koser 2001)

Таким образом, транснациональная миграция и ценностные ориентации взаимосвязаны. С одной стороны, уровень традиционности и консервативности отправляющего общества влияет на миграционный режим – кто едет, а кто остается. С другой, ценности могут изменяться в связи с миграцией не только у тех, кто мигрирует, но и у тех, кто остается (Bastia, Busse 2011). Подобная трансформация происходит нелинейно, зависит от множества факторов: формы и типа миграции, длительности проживания в стране приема, потребностей и условий общества-реципиента, включая уровень его религиозности и консервативности.

Отношение к ценностям индивидуального выбора в России и странах исхода мигрантов

Основная критика теории модернизации состоит в том, что она не дает полного объяснения сложных изменений и различий в ценностях, даже когда страны или отдельные люди похожи. Кроме того, данный подход содержит культурную предвзятость и предполагает

однаправленность социальных изменений.

Несмотря на то, что у России и постсоветских государств есть общее историческое прошлое, исследования демонстрируют значительную гетерогенность ценностных установок в бывших союзных республиках. Анализ представлений о допустимости абортов, разводов и добрачных отношений в девяти постсоветских странах показал, что наиболее консервативны жители Узбекистана, Армении, Грузии, Киргизии и Азербайджана, а наиболее либеральны в этих вопросах граждане Белоруссии, Украины и России, а также в несколько меньшей мере Казахстана (Лопатина, Костенко, Понарин 2016). В данном исследовании учитывали фактор религиозности населения страны. Предполагается, что в мусульманских Киргизии и Узбекистане патриархальные установки могут быть связаны с распространением после распада Советского Союза радикальных версий ислама. В то же время в Закавказских Армении, Азербайджане и Грузии, несмотря на происходящую экономическую модернизацию, не наблюдается значимых либеральных сдвигов в семейных нормах. Авторы приходят к выводу, что не принадлежность к мусульманской культуре, но уровень религиозности является принципиальным фактором консервативности взглядов в постсоветских государствах (Лопатина, Костенко, Понарин 2016: 107-109).

Г. Юсупова и Э. Понарин, исследуя роль ислама в интеграции мигрантов из постсоветских стран в России, демонстрируют, что зачастую умеренные мусульмане в России становятся более верующими. Плохие условия жизни, тяжелая работа вкупе с недружелюбностью принимающего общества вынуждают их решать свои проблемы через религию и религиозные сообщества (Yusupova, Ponarin 2017). Такая ситуация не вписывается в постулаты сегментной ассимиляции (когда интеграция происходит не в мейнстрим, а в другие группы меньшинств), поскольку на основе религии формируются сообщества мигрантов (независимо от этнических различий), а не местных мусульман и мигрантов. Вслед за другими авторами (Bertossi 2003; Al-Ali, Black, Koser 2001), Юсупова и Понарин делают вывод, что религиозная солидарность среднеазиатских мигрантов приносит изменения и в жизнь российских мусульман, а соответственно и принимающего общества. Подобная практика едва ли может способствовать трансформации ценностных ориентаций мигрантов, скорее наоборот, способна сохранять или усиливать культурные ориентации страны исхода.

При сравнении России и ряда постсоветских государств видна либеральность россиян в отношении ценностей индивидуального выбора. Однако Ю.А. Зеликова, рассмотрев представления о допустимости разводов, абортов и гомосексуальности в России в контексте поколений, заключает, что эти ценности имеют низкий уровень восприятия, а изменения по отношению к ним происходят очень медленно. В российском обществе очень консервативное отношение к гомосексуальности, восприятие абортов после 1995 г. становится все менее лояльным, и только к праву на развод россияне относятся достаточно либерально (Зеликова 2015: 107). К тому же нельзя не учитывать, что значительную часть населения России составляют мусульмане³, ценности которых могут быть консервативнее установок других сограждан.

---

³ Доля мусульман в России остается предметом дискуссий. По данным Всероссийской переписи населения 2022 г. численность традиционно мусульманских народов в России составляла примерно 14,5 млн человек –

Таким образом, частично либеральное, частично патриархальное в отношении ценностей индивидуального выбора российское общество принимает иммигрантов из постсоветских стран также с разной степенью консервативности взглядов на эти вопросы.

До сих пор не было предпринято попыток рассмотреть отношение к ценностям сексуальной либерализации иммигрантов из постсоветских стран в России в контексте их интеграции в российское общество. Задача данной статьи понять, насколько соотносятся ценности индивидуального выбора мигрантов и россиян, а также выявить предикторы изменения в них для мигрантов в процессе интеграции в принимающее общество.

Данные и методы

Эмпирическая база исследования представлена опросом мигрантов⁴ из постсоветских государств, проведенным Институтом социологии ФНИСЦ РАН в ноябре 2020 г. Опрос граждан стран СНГ, Украины и Грузии проводили в Москве и Московской области (МО) с помощью планшетников CATI (Computer Assisted Telephone Interview). При проведении опроса квотировали численность респондентов по странам исхода мигрантов с опорой на данные ГУВМ г. Москвы. Опрошены «снежным комом» 700 респондентов. Отношение к ценностям индивидуального выбора изучали по методологии Всемирного исследования ценностей (далее WVS).

Выборка по мигрантам не является репрезентативной в отношении выходцев из конкретных стран, поэтому мы имеем возможность рассмотреть только обобщенные установки мигрантов в России. 84% выборки составили иммигранты из мусульманских государств (Азербайджан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан) и из стран с высоким уровнем религиозности (Армения, Грузия). Именно в этих постсоветских государствах граждане наиболее консервативны в отношении изучаемых вопросов (Лопатина, Костенко, Понарин 2016: 113)⁵. Этническая принадлежность мигрантов (по самоидентификации респондентов) в подавляющем большинстве случаев соответствует «титальной» национальности страны исхода⁶.

Данные по принимающему обществу (россиянам) взяты из седьмой волны Всемирного исследования ценностей, проведенной в 2017 г. (1810 респондентов)⁷. Подавляющее большинство составляют этнические русские – 85,7%, ещё 13,5% – люди других национальностей.

Для оценки уровня сексуальной либерализации мы рассматриваем 2 переменные, которые являются ответами на вопросы о том, насколько можно оправдать развод и сексуальные отношения до брака. Обе переменные измеряются по шкале от 1 до 10,

---

около 10% населения страны. По утверждению Духовного управления мусульман европейской части РФ, приверженцев ислама в России на тот момент насчитывалось до 20 млн.

⁴ Под мигрантами в данном исследовании понимаются иностранные граждане, проживающие в России на постоянной или временной основе.

⁵ Мы не стали исключать мигрантов из Украины и Беларуси, потому что жители этих стран несколько более консервативны по вопросу допустимости абортов, разводов и секса до брака, чем в России (Лопатина, Костенко, Понарин 2016: 107).

⁶ Среди приехавших из Таджикистана 13,9% узбеки, из Узбекистана – 5,1% таджики, а также 21; 12,5% и 29% из Белоруссии, Молдавии и Украины соответственно отнесли себя к русским.

⁷ Официальный сайт: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>.

где 1 означает, что данное явление никогда не может быть оправдано, а 10 – что всегда может быть оправдано⁸.

Применяли регрессионный анализ. Использовали бинарную логистическую регрессию, для которой каждая из двух зависимых переменных (допустимость разводов и допустимость сексуальных отношений до брака) перекодирована в бинарную, включающую консервативных респондентов (тех, кто не при каких обстоятельствах не готов оправдать развод и добрачный секс) и остальных. Таким образом мы определяли предикторы консервативности взглядов мигрантов.

Ограничения исследования. Безусловно, разные масштабы выборок по мигрантам и принимающему населению накладывают определённые ограничения на выводы. Так, мы не можем говорить о различиях или соответствиях в ценностях мигрантов и принимающего населения данного региона, т. е. статистически значимых различиях в рассматриваемых вопросах между мигрантами и принимающим населением Москвы и МО. Задача нашего анализа – сравнить только общие тенденции отношения к ценностям сексуальной либерализации у мигрантов, присутствующих в России, и принимающего населения (россиян). В нашем случае данные выборки мигрантов Москвы и МО нами рассматриваются как *пример типичного* отношения мигрантов к этим ценностям на основании того, что Московский регион принимает основной иммиграционный поток (более трети по данным ГУ МВД). А данные по принимающему населению (данные WVS) – как *пример типичного* отношения россиян к тем же ценностям на основании того, что по данным конкретным вопросам не обнаруживается статистически значимых различий между жителями столичных регионов (т. е. принимающего населения, среди которого проживают мигранты нашей выборки) и региональных центров, в которые и приезжает основная часть иммигрантов.

Также важно учитывать базовые социально-демографические характеристики мигрантов и местных жителей. В выборке по мигрантам 66,9% мужчин и 33,1% женщин, в выборке по россиянам 45,1% мужчин и 54,9% женщин. Поскольку опрос проводили преимущественно среди трудовых мигрантов, то 31; 29,1; 24,4% опрошенных находятся в возрасте 21-30, 31-40 и 41-50 лет соответственно. На аналогичные возрастные группы среди россиян приходится 20,4; 19; 16,5%. Уровень образования мигрантов невысок: 47,1% опрошенных имеют образование не выше среднего общего, 9% и 24,6% – начальное профессиональное и среднее профессиональное, и только 19,3% – неполное высшее и высшее. Среди респондентов-россиян высшее (и неполное высшее) образование получили 33,3%, начальное и среднее профессиональное – 11,8% и 31,3%, а 23,6% – среднее общее или ниже. В выборке по мигрантам представлены главным образом работающие иностранцы (91,1%), только по 3% являются домохозяйками или безработными, 1,1% – студентами, а 0,3% – пенсионерами. Среди россиян в выборке WVS 59,3% работают, 4,2% и 4,2% безработные или домохозяйка, 4,9% студенты и 26,4% пенсионеры.

---

⁸ Мы рассматриваем отношение к этим явлениям по отдельности, не объединяя их в индекс сексуальной либерализации, поскольку Альфа-Кронбаха для индекса на нашей выборке и на основе двух переменных составил 0,64, что говорит о его низкой консистентности.

Отношение иммигрантов и россиян к ценностям индивидуального выбора

Допустимость разводов и сексуальных отношений до брака среди иммигрантов и россиян в значительной мере различна: среднее значение соответствующих переменных для мигрантов составляет 4,1 и 3,6 из 10, для россиян – 6,09 и 6,07. Это говорит о значительной консервативности иммигрантов и куда большей умеренности во взглядах на изучаемые вопросы россиян (таблица 1).

Таблица 1. Соотношение взглядов мигрантов и россиян на допустимость разводов и добрачного секса

Группы респондентов*	Отношение к разводам		Отношение к добрачному сексу	
	мигранты, 2020 г.	россияне, 2017 г.	мигранты	россияне
Консервативны, %	44,5	12,7	55,1	14,4
Умерены во взглядах, %	37,2	67,2	28,9	62,8
Либеральны, %	18,2	20,2	16	22,8
Среднее значение переменной	4,1	6,09	3,6	6,07

Примечание: * – К консервативным респондентам отнесены те, кто никогда не может оправдать предлагаемое событие (ответ 1), к либеральным – кто может оправдать всегда (ответ 10), к умеренным во взглядах – те, кто может оправдать в той или иной ситуации (ответы 2-9)⁹.

Если доля тех, кто готов оправдать развод и добрачный секс при любых обстоятельствах по сравниваемым группам различается незначительно, то процент консервативно настроенных респондентов-иммигрантов значительно выше, чем аналогичные данные среди россиян.

В исследованиях показано, что на консервативность представлений о ценностях индивидуального выбора влияют такие факторы, как пол, возраст и принадлежность к определенному поколению, уровень образования, форма занятости, семейное положение, тип поселения (Лопатина, Костенко, Понарин 2016; Зеликова 2015). Значимым предиктором консервативности взглядов является не только принадлежность к мусульманской религии, но и уровень религиозности.

Для выявления факторов, влияющих на представления о допустимости разводов и добрачного секса, были построены несколько спецификаций регрессии (таблица 2). На первом этапе, чтобы выявить значимые предикторы представлений иммигрантов и россиян, для каждой из групп в качестве независимых переменных были выбраны пол, возраст, уровень образования, положение на рынке труда, семейное положение, самооценка материального положения, а также приверженность какой-либо религии¹⁰.

Незначимой во всех моделях оказалась только самооценка материального положения респондентов.

Иммигранты-мужчины консервативнее в ценностях индивидуального выбора, чем женщины. Для местных жителей пол оказывается значим только в части отношения к разводам (женщины консервативнее).

⁹ Выделение групп на основе анализа латентных классов в постсоветских странах см.: (Лопатина, Костенко, Понарин 2016: 113).

¹⁰ Для россиян уровень R-квадрат в обеих спецификациях очень низкий, что говорит о необходимости включения других факторов, например, уровня религиозности. В данном случае сопоставимого вопроса для выборки по мигрантам не было.

Таблица 2. Регрессионные модели ценностей индивидуального выбора для мигрантов и россиян

Опорная категория – консервативные взгляды	Допустимость			
	разводов		сексуальных отношений до брака	
	иммигранты	россияне	иммигранты	россияне
Пол (женский)	0,015	-0,279*	0,628***	0,027
Возраст	-0,028**	-0,13**	-0,25**	-0,12*
Образование	опорная категория - среднее			
ПТУ, колледж	0,789**	0,529**	0,62*	0,398*
высшее	0,248*	0,278*	0,215*	0,82*
Положение на рынке труда	опорная категория - работающие			
безработные	-0,07	0,092*	-0,669*	-0,621**
другое ¹¹	-0,390	-0,226	-0,802	-0,163*
Самооценка материального положения	0,088	0,034	0,041	-0,14
Семейное положение	опорная категория – в браке ¹²			
разведенные	0,312	0,186	0,038	0,007
вдовы	3,277***	0,431	0,781**	0,149
одинокие	0,305	0,441	0,229	-0,103
Религия:				
ислам	опорная	-0,185	опорная	-0,366*
православие		опорная		опорная
православие и другие христианские религии (для иммигрантов) / другие религии (для россиян)	1,809**	-1,060***	2,871***	-1,575***
неверующие /не исповедуют никакую религию	0,203	1,601**	0,924	2,439***
Число наблюдений	648	1597	663	1588
R ² Кокса и Снелла	0,187	0,029	0,168	0,069
R ² Нэйджелкерк	0,250	0,055	0,220	0,122
-2 Log-правдоподобие	756,876	1142,284	790,242	1187,252
χ ²	133,866*** (df=12)	46,669*** (df=12)	122,089*** (df=12)	112,344*** (df=13)

Примечание: * – $p < 0,1$; ** – $p < 0,05$; *** – $p < 0,01$.

Возраст и для мигрантов, и для россиян отрицательно связан с представлениями о допустимости разводов и добрачного секса. Эта связь нелинейна. Дополнительный анализ с помощью таблиц сопряженности (с делением возраста на категории) показывает, что наиболее консервативны среди мигрантов в отношении развода молодые люди до 30 лет, в отношении добрачного секса – люди среднего возраста (31-40 лет). Среди россиян в обоих вопросах более либеральна молодежь (до 30 лет).

Уровень образования также является предиктором консервативных взглядов для обеих сравниваемых групп: с повышением уровня образования уменьшается вероятность крайне консервативного отношения к изучаемым явлениям.

¹¹ Включая домохозяйек, в декрете, студентов, пенсионеров.

¹² Включая гражданский, религиозный.

Положение на рынке труда для мигрантов значимо только в отношении добрачного секса: более консервативны в этом вопроса безработные и категория «другое», куда были помещены домохозяйки и пенсионеры. Среди местных жителей эти же группы являются консерваторами, но по обоим зависимым переменным.

И среди мигрантов, и среди россиян люди, состоящие в браке, и вдовы чаще склонны демонстрировать нетерпимость к разводам и сексуальным отношениям до брака, чем разведенные и одинокие (никогда в брак не вступавшие).

Религия является значимым предиктором консервативности взглядов, однако, для мигрантов и россиян она имеет разную связь с изучаемыми представлениями. В выборке по мигрантам исповедующие какую-либо религию более консервативны, чем неверующие, а мусульмане чаще придерживаются крайне консервативных взглядов на разводы и добрачный секс, чем православные и представители других христианских конфессий. В выборке по россиянам мусульмане также чаще не готовы оправдать данные явления, однако, представители других конфессий (к ним обобщенно отнесены католики, иудаисты, буддисты) оказываются большими консерваторами.

На втором этапе к спецификациям для иммигрантов к перечисленным выше факторам были добавлены те, которые не могут быть применимы к россиянам, но представляются важными предикторами влияния на возможное изменение ценностных ориентаций в процессе интеграции в принимающем обществе: в первой итерации – длительность проживания в России, планы на дальнейшее проживание в стране приема; во второй, дополнительно – идентичность¹³ (российская, этническая, религиозная) (таблица 3).

При расширении числа предикторов значимость коэффициентов базового набора не претерпевает изменений. В то же время факторы, включенные в эти спецификации, связаны с изучаемыми представлениями. Так, год приезда имеет отрицательную связь с консервативностью по отношению к разводам. Наиболее консервативны иммигранты, приехавшие первый раз на долгий срок в РФ менее 5 лет назад. Те, кто начали миграционную «карьеру» или переехали 15 и более лет назад, выражают меньшую нетерпимость к расторжению брака. Однако на представления о допустимости сексуальных отношений до брака этот фактор не влияет. Вместе с тем иностранцы, планирующие связать свою жизнь с Россией (остаться в стране приема навсегда) более либеральны в обоих вопросах, чем те, кто подобных планов не имеет.

Формирование российской идентичности (чувства общности с гражданами России) уменьшает вероятность крайне консервативных взглядов на развод по сравнению с теми, кто эту связь не ощущает (разницы во взглядах на добрачные сексуальные отношения между людьми с разным уровнем российской идентичности не зафиксировано). Вместе с тем ощущающие сильную связь с людьми своей национальности чаще крайне консервативны в ценностях индивидуального выбора. Сильная религиозная идентичность также является предиктором подобных взглядов.

---

¹³ Индикатором были ответы на вопрос: «Как часто Вы можете сказать: «Это - мы» о людях, из перечисленных ниже групп? Как часто Вы чувствуете с ними единство, близость?»: все граждане России; люди Вашей национальности; люди Вашей веры.

Таблица 3. Результаты регрессионного анализа с дополнительными предикторами для иммигрантов

Опорная категория – консервативные взгляды	Допустимость			
	разводов		сексуальных отношений до брака	
	модель 1.1	модель 1.2	модель 2.1	модель 2.2
Пол (женский)	0,26	-0,009	0,657**	0,650**
Возраст	-0,31**	-0,032**	-0,25**	-0,21*
Образование	опорная категория - среднее			
ПТУ, колледж	0,807**	0,854**	0,637**	0,690**
высшее	0,261*	0,263*	0,181*	0,199*
Положение на рынке труда	опорная категория - работающие			
безработные	-0,056	0,854	-0,814**	-0,690
другое	-0,449	-0,344	-0,814	-0,710
Самооценка материального положения	0,042	0,86	0,032	0,024
Семейное положение	опорная категория – в браке			
разведенные	0,220	0,218	0,162	0,113
вдовые	3,083***	3,036***	0,755	0,534
одинокие	0,166	0,140	0,269	-0,23
Религия	опорная категория - ислам			
православие и другие христианские религии	1,621**	1,809**	2,748***	2,854***
неверующие	0,223	0,374	0,885	0,956
Год первого приезда	-0,054*	-0,055*	-0,001	-0,005
Приехал первый раз на долгий срок	опорная категория – до 5 лет назад			
от 5 до 10 лет назад	0,686	0,742	0,205	0,296
от 10 до 15 лет назад	0,615**	0,687**	-0,279	-0,175
более 15 лет назад	0,581*	0,654*	0,028	0,166
Планы на проживание в России (не оставаться навсегда)	0,386**	0,331*	0,401**	0,312
Российская идентичность	опорная категория – часто ощущающие связь			
иногда		0,471		0,764**
никогда		0,424*		0,596*
Этническая идентичность	опорная категория – часто ощущающие связь			
иногда		-0,652**		-0,979**
никогда		-0,025		0,106
Религиозная идентичность	опорная категория – часто ощущающие связь			
иногда		1,096**		0,372
никогда		1,131**		0,441
Число наблюдений	632	632	648	648
R ² Кокса и Снелла	0,193	0,211	0,177	0,213
R ² Нэйджелкерк	0,258	0,283	0,237	0,285
-2 Log-правдоподобие	734,370	719,633	764,205	735,752
χ ²	35,276*** (df=17)	50,013*** (df=23)	26,537*** (df=17)	54,990*** (df=23)

Примечание: * – $p < 0,1$; ** – $p < 0,05$; *** – $p < 0,01$.

Заключение

Иммигранты, перемещающиеся в другое общество на время или навсегда, частично избегают от давления посылающего общества и могут быть более свободны в своем поведении и представлениях. Проведенное исследование показывает, что ценности иммигрантов из постсоветских стран расходятся с представлениями принимающего российского общества. В отличие от россиян они в значительной мере более консервативны в отношении разводов и добрачного секса, более требовательны и

патриархальны в части семейных взаимоотношений и личной свободы.

Несмотря на то, что имеющиеся данные не являются идеальными с точки зрения сравнительного анализа между иммигрантами и россиянами, поскольку получены из двух независимых выборок, они позволили определить предикторы консервативности взглядов для обеих групп. И в том, и в другом случае важными факторами либерализации взглядов на изучаемые представления будет уровень образования: чем он выше, тем большая толерантность наблюдается и у иностранцев, и у местных жителей. Также среди обеих групп более консервативные взгляды демонстрируют состоящие в браке, нежели одинокие и разведенные. Приверженность какой-либо религии является значимым предиктором нетерпимости к разводам и добрачному сексу и для иммигрантов, и для россиян. Вместе с тем, если традиционность мигрантов чаще всего связана с принадлежностью к мусульманской религии, то российские мусульмане оказываются не главными консерваторами, представители других религий могут выражать большую интолерантность к ценностям индивидуального выбора.

Проведенный анализ позволяет также говорить о том, что для иммигрантов эти установки довольно сложно поддаются изменению. Они не связаны с материальным благополучием, т. е. экономическая интеграция едва ли будет влиять на культурную. Давность приезда отрицательно связана только с консервативностью в отношении разводов, на либерализацию взглядов в отношении добрачного секса она не влияет. Сильная этническая и религиозная идентичности мигрантов, т. е. ощущение связи с людьми своей национальности и религии (что наверняка обусловлено социальными сетями мигрантов) являются предикторами крайне консервативных взглядов в отношении показателей сексуальной либерализации. Напротив, желание связать свою жизнь с Россией (остаться навсегда), формирование российской идентичности (чувства общности с россиянами) положительно связано с толерантностью к ценностям выбора.

Таким образом, не длительность проживания и экономическое благополучие, но уровень образования, формирование чувства общности со страной приема и желание связать с ней дальнейшую жизнь могут быть предикторами трансформации ценностных ориентаций иммигрантов в России.

Литература

- Зеликова Ю.А. (2015). Динамика сексуальной либерализации в современной России: поколенческий анализ. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 18(3), 95-115. http://jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2015_3/Zelikova_2015_3.pdf.
- Костенко В.В. (2017). Гендерные установки мигрантов-мусульман, населения западной Европы и Арабских стран: сравнительный анализ. (Дисс. канд. социол. наук). М.: НИУ «Высшая школа экономики». 235 с
- Лопатина С. Л., Костенко В. В., Понарин Э. Д. (2016). Дело не в исламе: отношение к абортam, разводам и добрачному сексу в девяти постсоветских государствах. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 9(3), 95-115. http://jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2016_3/Lopatina_Kostenko_Panarin_2016_3.pdf.
- Al-Ali N., Black R., Koser K. (2001). Refugees and transnationalism: the experience of Bosnians and Eritreans in Europe. *Journal of Ethnic and Migration studies*, 27(4), 615-634. <https://doi.org/10.1080/13691830120090412>.

- Anderson B. (1983). *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London and New York: Verso.
- Bastia T., Busse E. (2011). Transnational migration and changing gender relations in Peruvian and Bolivian cities. *Diversities*, 13(1), 19-33.
- Bertossi C. (2003). Negotiating the Boundaries of Equality in Europe. *The Good Society*, 12(2), 33-39. <https://doi.org/10.1353/gso.2004.0002>.
- Bettio F., Simonazzi A., Villa P. (2006). Change in care regimes and female migration: the «care drain» in the Mediterranean. *Journal of European social policy*, 16(3), 271-285. <https://doi.org/10.1177/0958928706065598>.
- Biao X. (2007). How far are the left-behind left behind? A preliminary study in rural China. *Population, Space and Place*, 13(3), 179-191. <https://doi.org/10.1002/PSP.437>.
- Carling J. (2005). Gender dimensions of international migration. *Global Migration Perspectives*, 35, 1-26.
- Connor P. (2010). Contexts of immigrant receptivity and immigrant religious outcomes: The case of Muslims in Western Europe. *Ethnic and Racial Studies*, 33(3), 376-403. <https://doi.org/10.1080/01419870902935963>.
- de Hoon S., van Tubergen F. (2014). The religiosity of children of immigrants and natives in England, Germany, and the Netherlands: The role of parents and peers in class. *European Sociological Review*, 30(2), 194-206. <https://doi.org/10.1093/esr/jcu038>.
- Diehl C., Schnell R. (2006). “Reactive ethnicity” or “assimilation”? Statements, arguments, and first empirical evidence for labor migrants in Germany. *International Migration Review*, 40(4), 786-816. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2006.00044.x>.
- Ebaugh H.R. (2003). Religion and the new immigrants. *Hand-book of the Sociology of Religion*. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511807961.017>.
- Esser H. (2001). *Integration und ethnische Schichtung*. Mannheim: Mannheimer Zentrum für Europäische Sozialforschung.
- Ester P., Halman L., de Moor R. (1993). *The Individualizing Society: Values Change in Europe and North America*. Tilburg University Press, Tilburg.
- Foner N. (2000). Beyond the Melting Pot Three Decades Later: Recent Immigrants and New York's New Ethnic Mixture. *The International Migration Review*, 34(1), 255-262. <https://doi.org/10.2307/2676022>. <https://doi.org/10.1177/019791830003400113>.
- Gills B.K. (2002). *Globalization and the Politics of Resistance*. London: Palgrave Macmillan.
- Gordon M. (1964). *The Nature of Assimilation. Assimilation in American Life*. New York: Oxford University Press.
- Gundelach P. (1994). National value differences: modernization or institutionalization? *International Journal of Comparative Sociology*, 35(1-2), 37-58.
- Hagan J., Ebaugh H. R. (2003). Calling Upon the Sacred: Migrants' Use of Religion in the Migration Process. *International Migration Review*, 37(4), 1145-1162. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2003.tb00173.x>.

- Hirschman C. (2004). The role of religion in the origins and adaptation of immigrant groups in the United States. *International Migration Review*, 38(3), 1206-1233. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2004.tb00233.x>.
- Hofmann E.T. (2014). Does Gender Ideology Matter in Migration? Evidence from the Republic of Georgia. *International Journal of Sociology*, 44(3), 23-41. <https://doi.org/10.2753/IJS0020-7659440302>.
- Holton R. (2000). Globalization's Cultural Consequences. *Annals of the American Academy of Political and Social Sciences*, 570, 140-152. <https://doi.org/10.1177/0002716200570001011>.
- Inglehart R. (1997). Modernization and postmodernization: cultural, economic, and political change in 43 societies. Princeton (New Jersey): Princeton University Press.
- Inglehart R., Norris P. (2003). Rising tide: Gender equality and cultural change around the world. Cambridge University Press.
- Kastoryano R. (2004). Religion and incorporation: Islam in France and Germany. *International Migration Review*, 38(3), 1234-1255. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2004.tb00234.x>.
- Kosack G. (1976). Migrant women: the move to Western Europe – a step towards emancipation? *Race & Class*, 17(4), 369-380.
- Massey D.S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pel-legrino A., Taylor E.J. (2005). *Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium*. New York: Oxford University Press.
- Menjívar C. (1999). The Intersection of Work and Gender Central American Immigrant Women and Employment in California. *American Behavioral Scientist*, 42(4), 601-627. <https://doi.org/10.1177/00027649921954381>.
- Monsutti A. (2007). Migration as a Rite of Passage: Young Afghans Building Masculinity and Adulthood in Iran. *Iranian Studies*, 40(2), 167-185. <https://doi.org/10.1080/00210860701276183>.
- Morokvasic M. (1984). Birds of Passage are also Women... *International Migration Review, Special Issue: Women in Migration*, 18(4), 897-898. <https://doi.org/10.1177/019791838401800402>.
- Oishi N. (2002). Gender and migration: an integrative approach. *Working Paper No.49, Center for Comparative Immigration Studies*. <https://escholarship.org/uc/item/0s04g29f>.
- Palloni A., Massey D., Ceballos M., Espinosa K., Spittel M. (2001). Social Capital and International Migration: A Test Using Information on Family Networks. *American Journal of Sociology*, 106(5), 1262-1298. <https://doi.org/10.1086/320817>.
- Penninx R. (2019). Problems of and solutions for the study of Immigrant Integration. *Comparative Migration Studies*, 7 (13), 2-11. <https://doi.org/10.1186/s40878-019-0122-x>.
- Pittin R. (1984). Migration of women in Nigeria: the Hausa case. *International Migration Review, Special Issue: Women in Migration*, 18(4), 1293-1314.
- Redfield R., Linton R., Herskovits M. (1936). Memorandum for the Study of Acculturation. *American Anthropologist*, 38(1), 149-152.

- Soehl T. (2017). Social Reproduction of Religiosity in the Immigrant Context: The Role of Family Transmission and Family Formation – Evidence from France. *International Migration Review*, 51(4), 999-1030. <https://doi.org/10.1111/imre.12289>.
- Voas D., Fleischmann F. (2012). Islam Moves West: Religious Change in the First and Second Generations. *Annual Review of Sociology*, 38(1), 525-545. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-071811-145455>.
- Warner R.S. (2007). The role of religion in the process of segmented assimilation. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 612(1), 102-115. <https://doi.org/10.1177/0002716207301189>.
- Warner W., Srole L. (1945). *The social System of American Ethnic Groups*. New Haven: Yale University Press.
- Welzel C. (2013). *Freedom rising. Human Empowerment and the Quest for Emancipation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wilensky H.L. (2002). *Rich democracies: Political economy, public policy and performance*. Berkeley CA: University of California Press.
- Williams N., Thornton A., Young-DeMarco L. (2014). Migrant Values and Beliefs: How Are They Different and How Do They Change? *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 40(5), 796-813. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2013.830501>.
- Yusupova G., Ponarin E. (2017). Social Remittances in Religion: Muslim Migrants in Russia and Transformation of Islamic Practices. *Problems of Post-Communism*, 65(3), 1-13. <https://doi.org/10.1080/10758216.2016.1224552>.